

Ван Чжэнь протянул руку:

— Поднимайся.

Тан Шэнь, всё ещё сбитый с толку нагоняем, забрался в экипаж. Едва он оказался внутри, Ван Чжэнь взял его за руку и открыл деревянную шкатулку. Внутри, разумеется, лежала вовсе не каллиграфическая пропись Тан Шэня, а всё тот же свиток «Минцзинте». Ван Чжэнь вздохнул:

— Это ведь подарок тебе. Зачем возвращать?

Тан Шэнь попытался отдернуть руку, но прохладная ладонь Ван Чжэня крепко прижималась к его ладони. Стоял душный сентябрьский зной — «осенний тигр», — однако эта рука, как и сам её хозяин, отдавала лёгкой, благородной прохладой. Тан Шэню внезапно захотелось согреть её; у него не поднялась рука оттолкнуть её и расстроить Ван Чжэня.

Сердце Тан Шэня дрогнуло. Помолчав, он сипло проговорил:

— Это слишком ценная вещь, я не смею принять её.

Ван Чжэнь видел все его внутренние метания:

— Если бы ты преподносил её господину министру, это считалось бы подкупом начальства. Но если ты даришь её старшему соученику, то в этом нет ничего предосудительного.

Тан Шэнь тут же подхватил:

— Я дарю её старшему соученику.

Ван Чжэнь сжал его руку и весело рассмеялся:

— В таком случае старший соученик откажется от подарка. Благодарю младшего соученика за доброту.

Тан Шэнь:

«!!!»

Ван Цзыфэн, да как у тебя вообще язык поворачивается так играть словами?!

Тан Шэню казалось, что Ван Чжэнь сводит его с ума. В этой дуэли с Ван Цзыфэном у него не было ни единого шанса! В эту минуту ему до смерти хотелось вырвать руку и отругать Ван Цзыфэна, но пальцы того уже переплелись с его пальцами, а подушечки мягко поглаживали ладонь. Прикосновение было нежным, но в месте касания кожи вспыхнул жар, и сердцу Тан Шэня показалось, будто его подставили к огню. Он изо всех сил пытался удержать границы разумного, но у него не поднималась рука оттолкнуть Ван Чжэня — он боялся снова увидеть в его глазах разочарование.

Когда мучительные метания Тан Шэня достигли предела, кучер неожиданно произнёс:

— Господин, мы прибыли к Цензорату.

Пальцы Ван Чжэня на мгновение замерли, но затем он продолжил поглаживать ладонь Тан Шэня, будто не услышав кучера.

Зато Тан Шэнь вздохнул с облегчением, вырвал руку и буквально выскочил из экипажа. Обернувшись, он поклонился Ван Чжэню:

— Нижайший слуга прощается с вами.

С этими словами он поспешно ушёл.

Ван Чжэнь невольно усмехнулся и с самоиронией произнёс:

— Неужто я похож на дикого зверя? — Он качнул головой и вздохнул: — В Финансовый приказ.

В полдень, когда Тан Шэнь сидел в Цензorate, витая в облаках, чиновник принёс ему деревянную шкатулку.

Тан Шэнь:

«...»

«Ладно, не буду возвращать. Раз уж тебе так неймётся одарить меня, бессмысленно отказываться!»

Будучи цзяньи дафу и правым заместителем цензора Приказа серебряных ассигнаций, Тан Шэнь, естественно, должен был управлять делами Приказа серебряных ассигнаций. Он подал докладную записку, и вскоре Чжао Фу издал указ: отозвать Мэй Шэнцзэ и Ван Сяо и назначить их дубу ланчжунами Приказа серебряных ассигнаций, переподчинив Тан Шэню.

Высочайший указ Чжао Фу был подобен долгожданному дождю во время засухи, вызвавшем у Тан Шэня глубокий вздох восхищения. Он ещё больше убедился в словах Ван Чжэня: этому императору можно доверять. Пусть даже сейчас он изо дня в день принимает даосские снадобья и предаётся поискам бессмертия, он всё равно справляется со своими обязанностями лучше подавляющего большинства правителей.

Ибо он насквозь видит весь этот двор!

Вскоре Мэй Шэнцзэ и Ван Сяо должны были вернуться в столицу в ожидании приказаний. А тем временем далеко на севере, в управе Сицзинь Государства Ляо, торговец чаем Цяо Цзю с ворохом подарков направлялся в поместье левого пинчжан чжэнши управы Сицзинь Сяо Чжэня.

Увидев Цяо Цзю, Сяо Чжэнь поначалу сохранял неприступно-холодный вид. Но стоило ему взглянуть на принесённые дары, как на его лице тут же заиграла довольная улыбка.

Приказав слуге унести подарки, Сяо Чжэнь отослал прочих слуг, оставив Цяо Цзю наедине с собой.

Сяо Чжэнь насмешливо произнёс:

— Этот Елюй Цинь и Елюй Шэгэ действительно держат нас за пешки, которыми можно двигать как вздумается! Знаешь ли ты, что сегодня произошло в главном шатре?

Цяо Цзю поражённо спросил:

— Что же произошло?

Сяо Чжэнь ответил:

— Наёмный убийца ведь сознался, что за всем стоит Елюй Инь, княжеский воспитатель? Но до сих пор Елюй Цинь тянул со всем и не предпринимал никаких шагов, так что я грешным делом подумал, будто Второй принц не станет использовать это против него. А вчера у Его Величества императора внезапно случился удар. Едва правитель очнулся сегодня утром, как Второй принц тут же доложил об этом происшествии.

Сяо Чжэнь уже давно знал, кто такой Цяо Цзю; на самом деле Су Вэньюнь подкупил его задолго до этих событий. Су Вэньюнь раздобыл на него компромат, а заодно посулил щедрые выгоды. Движимый страхом и алчностью, а также тая глубокую обиду на Елюй Шэгэ и Елюй Циня, Сяо Чжэнь с радостью согласился играть роль предателя.

Цяо Цзю мысленно взвесил услышанное. Вернувшись домой, он тут же написал письмо и отправил его в Ючжоу.

В письме была лишь одна короткая строчка:

«Журавль и моллюск готовятся к схватке. Кто станет рыбаком?»

Три дня спустя соученик и близкий друг Тан Шэня Мэй Шэнцзэ и его сокурсник по экзаменам, занявший второе место — баньянь Ван Сяо, одновременно прибыли в столицу.

Четыре года назад они втроём одновременно увидели свои имена в «Золотом списке» победителей, и слава их не знала равных. Ныне каждый из них занимал свой пост и нёс собственную службу, так что при встрече все они вздыхали о переменчивости судьбы. Тан Шэнь за эти четыре года стремительно вознёсся по служебной лестнице; Ван Сяо после двух лет затишья заслуженно снискал расположение императора благодаря успешному строительству Тракта Нинчжоу. И только Мэй Шэнцзэ, повесивший на себя вину в Финансовом приказе два года назад, так и не смог оправиться от удара по карьере.

Увидев Мэй Шэнцзэ, Тан Шэнь с первого взгляда даже не узнал его.

Онемев от изумления, Тан Шэнь с болью в голосе вымолвил:

— Брат Шэнцзэ, отчего же твои виски совсем побелели?!

Мэй Шэнцзэ посмотрел на Тан Шэня и горько усмехнулся:

— Цзинцзэ, откуда тебе знать, какую горечь мне довелось испытать!

Когда Мэй Шэнцзэ сослали в глухой край, поначалу он старался находить радость даже в невзгодах. Во времена обучения в Академии Гоцзыцзянь он больше всего славился поэзией и живописью, а потому сочинил несколько стихотворений о печали изгнания, снискав известность в литературных кругах. Но не прошло и года, как его венчанная супруга скончалась от тяжёлых родов, оставив ему лишь сына.

На следующий год от болезни умер и ребёнок. Мэй Шэнцзэ не смог вынести такого удара: он тяжело заболел и едва не свалился в могилу.

И хотя сейчас ему едва исполнилось двадцать семь лет, виски его уже поседели, а сам он выглядел как немощный старик.

После сытного обеда в Тереме Сися Тан Шэнь пригласил друзей к себе в поместье. Войдя в кабинет, он спросил:

— Брат Шэнцзэ, брат Дайюэ, знаете ли вы, каков истинный замысел Его Величества, пославшего вас в Ючжоу на должности дубу ланчжунов Приказа серебряных ассигнаций?

Услышав это, Ван Сяо и Мэй Шэнцзэ переглянулись, уловив намёк Тан Шэня:

— Цзинцзэ, ты хочешь сказать, что за этим кроется иной смысл?

Тан Шэнь улыбнулся и неторопливо объяснил.

Ван Сяо и Мэй Шэнцзэ весьма смутно представляли себе устройство Приказа серебряных ассигнаций. Оба они лишь догадывались, что этот орган как-то связан с Финансовым приказом двухлетней давности. Но они и помыслить не могли, что император назначает их подчинёнными Тан Шэня и отправляет в Ючжоу вовсе не ради рутинных бумаг Приказа серебряных ассигнаций, а для выполнения важнейшей миссии — разведки военного положения Государства Ляо!

Оба были до того потрясены, что долго не могли вымолвить ни слова.

Внезапно их сердца вспыхнули грандиозным воодушевлением. Глаза Мэй Шэнцзэ вспыхнули ярким огнём, и он произнёс:

— И помыслить не мог, что Цзинцзэ совершил столь великое дело, а я, Мэй Шэнцзэ, удостоюсь чести стать его частью! Цзинцзэ... Нет, господин Тан! Вашему покорному слуге не подвести вас — обещаю, мы одержим скорый и полный успех!

Ван Сяо тоже сложил руки в приветствии:

— Нижайший слуга повинуетя приказу господина!

Вскоро оба отправились в путь, держа курс на Ючжоу.

Ещё до них в Ючжоу отправился Цинь Сы, чтобы вступить в должность дубу чжанши Приказа серебряных ассигнаций. Хотя он, как и Ван Сяо с Мэй Шэнцзэ, числился в Главном отделе, его обязанности кардинально отличались. Цинь Сы был человеком Ван Чжэня, и на него тоже возлагалась важная миссия. Держа в руках указ, лично данный Чжао Фу, и чиновничью печать Ван Чжэня, Цинь Сы со всей уверенностью прибыл в Ючжоу.

Едва ступив на новую землю, новый чиновник сразу показал свой суровый нрав, устроив настоящую встряску всему Северо-Западу.

Отныне жалование всем трём армиям Северо-Запада должно было выплачиваться исключительно в форме серебряных ассигнаций — и ни монетой из чистого серебра или золота больше!

Стоило приказу вступить в силу, как три армии охватил ужас: солдаты и генералы пришли в смятение. Ли Цзиндэ от этого указа двора разъярился до предела. Он лично привёл солдат в Приказ серебряных ассигнаций, схватил Цинь Сы и приказал его связать. Не в силах сладить с этим военным хамом, Цинь Сы оставалось лишь достать императорский указ Чжао Фу и чиновничью печать Ван Чжэня:

— Генерал Ли Цзиндэ, вы что, вознамерились поднять бунт?!

Увидев эти две вещи, Ли Цзиндэ дёрнул веком, зажмурился и отвернулся, делая вид, что ничего не заметил. Он хмыкнул и прорычал:

— Я собрался восстать? Цинь Сы, предупреждаю: не смей возводить на меня напраслину! Ты лучше объясни, почему моим солдатам больше не выдают серебро? Раньше, когда вы подменяли жалование этими бумажками, я закрывал на это глаза — в конце концов, провиант и оружие мы получали исправно.

К тому же, поскольку эти бумаги можно было обменять только на провизию и вооружение, в войсках уменьшилось воровство, чем Ли Цзиндэ был весьма доволен.

— Но теперь ты вовсе лишаешь их серебра! Да кто после этого пойдёт со мной воевать?!

Цинь Сы сверкнул разъярённым взглядом:

— С тобой бесполезно говорить!

Ли Цзиндэ расхохотался:

— Эй, да у тебя ещё и характер проявляется? Считаешь меня глупцом, с которым и разговаривать не стоит?

<http://bllate.org/book/18292/1757439>